

Страницы истории рабочего движения

Доктринёрство второго поколения

Если признать, что именно осознание фактов международной политики является фундаментом стратегии, то “Путь к власти” (*“Der Weg zur Macht”*) Карла Каутского, написанный в 1909 году, по-прежнему можно считать частью марксистского наследия и вкладом в борьбу против оппортунизма. В этой работе опровергаются тезисы из сочинения Эдуарда Бернштейна “Международная политика социал-демократии” (*“Die internationale Politik der Sozialdemokratie”*), опубликованного в мае того же 1909 года в *Sozialistische Monatshefte* – органе откровенно социал-империалистического направления.

Единство и раскол империализма

Всего за несколько лет до начала первой мировой войны Бернштейн провозглашал наступление кантовского вечного мира, который, по его мнению, должен утвердиться благодаря развитию капиталистического рынка. Угроза войны, в его представлении, – не более чем искажение естественных и объективных тенденций мирового хозяйства: *«Экономическое развитие наций должно углубить их вражду – какое противоречие! [...] Взгляд на развитие торговых отношений между развитыми странами показывает, насколько ошибочны подобные идеи. Наиболее развитые в промышленном отношении страны являются одновременно конкурентами и клиентами друг друга, и по мере усиления конкуренции между ними укрепляются и взаимные связи. [...] Эпоха, когда народы пытались подчинить друг друга, осталась в прошлом для Европы, и всё чаще это будет верно и для Азии. Мы вступили в новую эру, в эпоху утверждения международного права».*

Каутский, напротив, в “Пути к власти” указывает на нарастание внутренних и международных противоречий, которые, по его мнению, предвещают эпоху войн и революций. В те же годы в *Neue Zeit* в статье “Реформа и революция” (*“Reform und Revolution”*) он атакует позиции Бернштейна: *«То, что “реформистам” кажется мирным переходом к социализму, есть лишь увеличение силы обеих противоборствующих сторон – классов, стоящих в непримиримой вражде друг против друга [...], так что переход к социализму означает вступление в период великой борьбы, сотрясающей всё существование государств, борьбы, которой суждено стать всё более могущественной и которая может закончиться только ниспровержением и экспроприацией класса капиталистов».* В статье “Австрия и Сербия”, посвящённой напряжённости на Балканах – той самой, что впоследствии втянет великие державы в прямое столкновение, – Каутский предупреждает, что подобные локальные конфликты грозят *«спровоцировать мировую войну»*. Подобные конфликты, подчёркивает он, необходимо рассматривать в контексте империализма, *«политика которого является выражением общего капитала всех крупных современных государств»*, а *«острые противоречия»* служат горючим материалом, способным превратить любой частный конфликт в глобальное столкновение.

Дарвинистский градуализм?

Однако всего через несколько лет, уже после начала войны, в сентябре 1914 года, Каутский публикует в *Neue Zeit* статью “Империализм” (*“Der Imperialismus”*), где представляет свои тезисы об *«ультраимпериализме»* – гипотезу о соглашении между империалистическими державами всего мира, которое, по его мнению, может устранить войны при сохранении капиталистического строя. В этой теории политика отделяется от объективных противоречий системы.

Широко распространено мнение, что Каутский стал главным теоретиком концепции, отказавшейся – под влиянием позитивистской философии – от революционного разрыва в пользу градуализма и эволюционизма, что он будто бы попытался скрестить марксизм и дарвинизм, отказавшись от диалектической гегельянской системы Маркса и Энгельса, ведь революционный марксизм опирается на Гегеля, а градуалистский реформизм – на Дарвина. Однако этот тезис, *«который теперь стал стереотипом»*, как пишет Марек Вальденберг в биографии Каутского (*“Wzlot i upadek Karola Kautsky’ego”*, 1972), сводится к схематичному и абстрактному силлогизму, если игнорировать материальные условия, в которых эти теории обсуждались и оспаривались.

Маркс и Энгельс ясно выражали свою позицию по отношению к дарвинизму. Они приветствовали публикацию “Происхождения видов”, признавая эпохальное значение этой научной работы, разрушающей креационизм и телеологию. 19 декабря 1860 года Маркс написал Энгельсу: *«Хотя изложено грубо, по-английски, но эта книга даёт естественноисторическую основу для наших взглядов»*¹. Энгельс защищал Дарвина от нападок Дюринга: в “Диалектике природы” он прямо отрицал тезис о несовместимости Гегеля и дарвинизма и ставил себе целью *«показать, что теория Дарвина является практическим доказательством гегелевской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью»*². Однако вскоре Маркс и Энгельс подвергли критике попытки мальтузианцев (которых поддерживал сам Дарвин) и социал-дарвинистов использовать понятие *«борьба за существование»* для перенесения *«законов жизни животных обществ на человеческое общество»*³.

Наконец, сам Каутский, по-видимому, осознавал опасность карикатурных интерпретаций дарвинизма, особенно при попытке переноса его на почву социальных наук. В письме Бернштейну от 1891 года он подчёркивал необходимость различать дарвинизирующий социализм Фридриха А. Ланге и марксистский социализм. И трудно упрекнуть Каутского в том, что он не прорабатывал этот вопрос с достаточной теоретической глубиной.

Доктрина и реальное движение

Теоретическое вырождение II Интернационала нельзя объяснить исключительно ошибочным прочтением дарвинизма. Его причины следует искать в конкретных условиях политической борьбы, развернувшейся с наступлением империалистического XX века.

Мы уже видели, как отказ от теории принял форму так называемого “практицизма”. С другой стороны, поколение Каутского оказалось неспособным связать теорию с реальным процессом, с новым и беспрецедентным стратегическим характером империализма.

Роберто Казелла в предисловии к нашему изданию “Что делать?” Ленина (серия “Библиотека молодых”) приводит отрывок из “Нищеты философии”, где Маркс, критикуя теоретиков *«утопического социализма»*, указывает на верный метод: *«Но по мере того как движется вперёд история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчёт в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая её революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порождённая историческим движением и принимающая в нём участие с полным знанием дела, перестает быть доктринёрской и делается революционной»*⁴. Эта *«доктринёрская фаза»*, отмечает Казелла, соответствует *«бунтарскому детству»* социализма.

Второе поколение

Во II Интернационале, хотя и в изменившихся условиях, сохранялась особая форма догматизма: его теоретики, несмотря на знание марксизма, не смогли применить его к реальному движению, потеряв революционную связь между стратегией и организацией.

Роберто Казелла акцентирует внимание на фигуре Антонио Лабриолы, задаваясь вопросом, почему тот *«так и не стал Плехановым итальянского рабочего движения»*. В отличие от Каутского, которому приписывают дарвинизм, Лабриола *«был выдающимся теоретиком, который от Гегеля пришёл к диалектическому материализму»*. Однако его роднит с немецким теоретиком другое: *«Он не был Плехановым, который бросился в гущу политической борьбы, чтобы достучаться до людей нового поколения Ленина; в определённом смысле Лабриола предвосхищает тот самый оппортунизм в вопросах организации, который Ленин назовёт смертельной болезнью революционного движения. У Лабриолы это заболевание проявилось на более примитивной стадии, чем та, которую рассматривал Ленин. Это стадия капитуляции теории перед практикой»*. Лабриола отказался от издания научной газеты по немецкому образцу, считая, что в Италии создавать партию преждевременно, и в итоге остался лишь *«профессориссимусом»*. Каутский, который долгие годы вёл теоретические баталии в защиту марксизма в своей газете *Neue Zeit*, перед

лицом империалистической войны пришёл к центризму и занял выжидательную и, по выражению Ленина, филистерскую позицию.

Джованни Поджи в книге «Хроники милитанта» (*“Cronache militanti”*) сосредотачивает внимание именно на этом втором поколении марксизма: *«Это поколение К. Каутского (род. в 1854 г.), Ф. Меринга (1846 г.) [...] и в Италии Антонио Лабриолы (1843 г.)»*. Как объясняет Поджи, *«[почти] все [они] были скорее теоретиками, чем политическими лидерами партий, которые сформировались в фазе относительно мирного капиталистического роста, предоставлявшей достаточно возможностей для инвестиций, получения прибылей, колониальной экспансии и, как следствие, реформистской коррупции, как материальной, так и идеологической. Каутский, как и Бернштейн, хорошо знал марксизм, но на уровне эрудиции, и, чтобы не плыть против господствовавшей тенденцией к реформизму и градуализму, они не проводили на практике общественную науку в её основном революционном аспекте. Неслучайно их наиболее весомым вкладом является систематизация и популяризации того, что уже было сказано или изложено классиками»*.

Это ключевой момент: огромные и беспрецедентные перемены эпохи империализма требовали развития теории, а не только её систематизации и пропаганды.

Стратегическая новизна

Доктринёрство Второго Интернационала, возникшего в тот момент, когда пролетариат уже имел в своём распоряжении науку, созданную Марксом и Энгельсом, уже не являлось болезнью *«бунтующего детства»*, а представляло собой обмещанивание теории, и, несмотря на формальное признание марксизма, фактически искажало его революционное содержание. Ярким примером этого была попытка немецкой социал-демократии применить подход Энгельса 1892 года, оправдывавший участие в оборонительной войне, к совершенно иным условиям новой, империалистической войны.

Только третье поколение марксистов – поколение Ленина, Розы Люксембург и Льва Троцкого – сумело, подобно Марксу и Энгельсу, вновь объединить в одном лице теоретиков и политических вождей. Ленин смог дать теоретический ответ на беспрецедентные вызовы империалистического развития, объединив на базе стратегии и организации партию, сделавшую возможным Октябрь.

В Германии же социал-демократия, захваченная империалистическим развитием, пережила теоретическое вырождение и вобрала в себя целый комплекс идеологических элементов из немецкой интеллектуальной традиции: от кантианства до национального вопроса и лассальянского этатизма.

Троцкистский историк Пьер Бруэ в книге «Революция в Германии» (*“Révolution en Allemagne”*) подчёркивает *«тенденцию к движению в сторону национального социализма, в рамках которого материальное благосостояние рабочего оказывается связанным с процветанием бизнеса “собственных” капиталистов, где, следовательно, уровень жизни немецкого рабочего класса обусловлен открытием новых рынков, то есть в конечном счёте германской империалистической экспансией»*. Бруэ ссылается на германиста Шарля Андлера, который определяет социал-демократическое течение, отождествляющее классовые интересы с интересами буржуазного государства, как *«неолассальянское»*. В «Государстве и революции» Ленин, оглядываясь назад, делает важное наблюдение: *«[В] самой его полемике с оппортунистами [...] мы замечаем теперь, когда изучаем историю новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве»*⁵.

Июль – август 2024 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 30. С. 102.

² - Там же. Т. 20. С. 620.

³ - Там же. С. 622.

⁴ - Там же. Т. 4. С. 146.

⁵ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 33. С. 105.